

Одесские новости.

1895. 4 марта. № 3225

C. 2.

Фельетонъ „Одес. Нов.“

4-го марта 1895 г.

Письма о журналистикѣ.

Герой безвременья — „Русская Мысль“, февраль, 1906 г.: — Человек „Три года“. — Д. М. — „Сибиряк“, „Хабар“, — „Минусинск“, „Крымские союзы“. — Из литературной переписки Кавелина. — В. И. Давыдов, „Сравнительное описание вост. форм. народ. суда“. — А. М. Сидоренко, „А. К. Шеллер“. — Гост. изъездник.

Если-бы нужно было подыскать название для нашей литературы, то, мнѣ кажется, довольно подходящимъ определениемъ было-бы: литература безъ положительныхъ героев. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ попытки нашихъ великихъ романистовъ создать послѣднихъ нельзя назвать удачными. Эти герои или же продуктъ чистаго воображенія, или-же являются въ жизни совершенно одинокими. Ихъ запыщать, если можно такъ выразиться, волна пошлости. И герой или-же обжить „искать по снѣгу, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ“, или-же гнать случайно, не найдя поприща, на которомъ могъ-бы приложить свои силы.

За то им одна литература, на сколько мнѣ известно, не видала такой массы „самодовѣ“, „грызуновъ“, „мытниковъ“, мучающихся сознаниемъ своего собственного безсилія.

Палеонтологъ тщательно разыскиваетъ въ мѣсѣхъ или-же тріасѣ отпечатокъ, оставленный какии-нибудь стародавнимъ, исчезнувшимъ уже давнымъ-давно, или-же не существующаго болѣе вида, напоротника. Дѣлаетъ это ученый не потому, что его интересуетъ только новая форма скорлупника, а потому, что по послѣднему онъ составитъ себѣ представление объ эпохѣ, когда этотъ моллюскъ жилъ. И ученый умѣетъ найти зависимость между той или другой формой пан и суровостью или-же мягкостью климата.

Точно такъ-же историкъ литературы, широко понимающій задачи своего предмета, интересуется героями литературнаго произведенія, какъ отраженіями современной эпохи. И историкъ литературы умѣетъ найти, какъ и геологъ, зависимость между болѣе или менѣе безвольными, обезличенными героями и исторической эпохой.

Странны крайне герои современной беллетристики. Съ одной стороны — это самодовольные, самоуверенные, хотя скудоумные, младенцы (младенцы не по возрасту, а по пониманію задачи жизни), какая-то удивительная пошлость Тартюфа съ главной героиней сатиры Эзрама. Старикъ Мефистофель, нагбное, сказаль-бы о нихъ:

Mit wenig Witz und viel Behagen
Dringt jeder sich im engen Zirkelland,
Wie junge Katzen mit dem Schwanz.

(Съ малымъ умомъ, но большимъ самоувереніемъ всякій изъ нихъ крутится въ узкомъ круговомъ танцѣ, какъ котята со хвостомъ).

Съ другой стороны — герои современной эпохи — совершенно обез-

личенные мытники, безвольные, которые даже пожелать страстно не умѣютъ.

Героевъ послѣдняго типа рисуетъ намъ Чеховъ въ своей повѣсти „Три года“. Въ прошломъ „писемѣ“ я излагалъ уже содержаніе начала этой повѣсти. Въ февральской книжкѣ „Русской Мысли“ помещено окончаніе. Юлія, Сергѣевна и Алексѣй Θεодоровичъ помѣшаны. Мужъ съ каждымъ днемъ убѣждается все болѣе и болѣе, что жена его просто не переноситъ. Въ то-же время Лантевъ настоянко „герой безвременья“, что, какъ я ска-залъ, даже пожелать страстно не умѣетъ — какъ-нибудь найти выходъ.

Онъ не рубаха-человѣкъ, — говоритъ объ Алексѣѣ Θεодоровичѣ одно изъ действующихъ лицъ, а старая гринка изъ бабьей юбки... Это такая рохля! Денегъ онъ намъ отвалитъ сколько угодно, это онъ можетъ, но гдѣ нужно употребить характеръ и дать огноръ наглцу и нахалу, тамъ онъ конфузится и падаетъ духомъ. Такие люди — прекрасные люди, но для борьбы они совершенно негодны. И такихъ много-съ, и, благодаря этому, въ нашемъ обществѣ рядомъ съ широкимъ развитіемъ гуманныхъ идей, рядомъ съ быстрыми движеніемъ впередъ вы встрѣтите татарщину и всякія безобразія.

Самъ Алексѣй Θεодоровичъ даетъ гораздо болѣе опредѣленную характеристику самого себя и условій, создавшихъ характеръ его. Братъ его, Θεодоръ, озабоченный неудачникомъ, въ которомъ кроются, на придачу, зачатки душевной болѣзни, приноситъ ему для прочтенія первый литературный опытъ „Русская душа“. Написана статья была претенциозно и безцѣльно. Основная мысль ея была слѣдующая. Русской душѣ присущъ идеализмъ въ высшей степени, составляя ея главную и основную черту; западникъ можетъ не вѣрить въ сверхъестественное, но онъ обязанъ скрывать это неискренне, чтобы не производить соблазна и не колебать въ людяхъ вѣры; безъ вѣры нѣтъ идеализма, а идеализму предопредѣлено спасти Европу и указать человѣчеству настоящій путь.

„Но тутъ ты не пишешь, отчего надо спасти Европу, — сказалъ Лантевъ.“

— Это понятно само собою.

— Ничего не понятно.

„Мы съ тобой люди русскіе, православные, — говоритъ дальне будущій нубанистъ, — широкие люди; къ лицу ли намъ всѣ эти нѣмецкія и жидовскія идеишки? Вѣдь мы съ тобой не прохвосты какіе нибудь, а представители именитаго купеческаго рода.“

— Какой тамъ именитый родъ? Драный родъ! — крикнулъ Лантевъ въ сильномъ гнѣвѣ и шпырнулъ стулъ къ камину. — Драный хамскій родъ... Драный, поганый, подлый родъ... Что намъ съ тобой далъ этотъ твой именитый родъ? Какіе нервы и ка... крова мы получили въ наслѣдство? Ты вотъ уже почти три года разсуждаешь, какъ дьячекъ, говоришь всякій вздоръ и вотъ написалъ, — вѣдь, это холмовскій бредъ! А я, а я!.. Какъ молоскъ, молослякъ какой-то, мы глупости, а не снѣжности, а не снѣжной вѣнцъ,

Одесские новости.

1895. 4 марта. № 3225.

С. 2

и боюсь за каждый свой шагъ, я робко предъ ничтожествами, идиотами и скотами, стоящими неизмѣримо ниже меня умственно и нравственно. И родилась отъ затравленной матери, съ дѣтства я забиго и запуганъ. Мнѣ съ тобой хорошо сдѣлается, если не будемъ нянѣть дѣтей.

Въ слѣдующихъ поколѣніяхъ мы дадимъ только трусовъ, преступниковъ и сумасшедшихъ.

... Да, не принадлежи я къ нашему именитому роду, будь у меня хотя бы грошъ воли и смѣлости, я давно бы швырнулъ отъ себя эти доходы и пошелъ-бы зарабатывать себѣ хлѣбъ. Но вы въ своемъ амбарѣ съ дѣтства обезличили меня.

Въ концѣ концовъ, какъ все безвольныя люди, Алексѣй Осодороичъ попадаетъ въ особое состояніе апатій. Черезъ три года жена припикаетъ къ нему, говоритъ даже, что любить его; но теперь уже наступила та нравственная усталость, когда даже радостное чувство не въ состояніи вознужать.

Въ повѣсти Чехова предъ нами являютея еще другіе „герои безвременья“. Это—*либертины* (употребляю словечко Боборыкина), ни о какихъ „вопросахъ“ не думающіе, oprичъ вопро-совъ желудка и чувственности. Подобные герои бывають тоже различнаго типа.

Бывають люди, одаренные большими силами, которыхъ примѣнить имъ негдѣ.

Такіе иногда кидаются въ дикій разгулъ, пока общественная дѣятельность не захватитъ ихъ цѣликомъ. И тогда такіе люди становятся великими борцами за человечество, тѣми „изобрѣтателями“, которые, по Тарду, въ состояніи уплечь человечество по новому пути. Такой герой есть, между прочимъ, у Жоржъ Зандъ, конечно—Вальмарина.

Есть и другіе люди, прожигающіе жизнь въ разгулѣ; но только не отъ сознанія силы, а отъ безсмія, пошлости и дрянности натуры. Это—подленькіе, мелкіе Карамазовы. Далеко не всѣ изъ нихъ такъ отталкивающы, какъ Осодоръ Карамазовъ. Многіе обладаютъ доскою вполне свѣтскаго человѣка и ужъ имъ въ комъ случаѣ не стонутъ искать любви юродивой Лизаветы. Такіе свѣтскіе Карамазовы имѣють большой успѣхъ.

Такой *либертинъ* выведенъ и у Чехова.

Это—Панауровъ. Приведу маленькую сценку.

Панауровъ ѣдетъ въ одномъ вагонѣ съ женой Лаптева, приходящаго ему родственникомъ. Лишь только поѣхалъ тронулся, Панауровъ вдохнулъ и спросилъ серьезно:

— А любовникъ у васъ уже есть?

Юлія посмотрѣла на него съ удивленіемъ и усмѣхнулась.

— Богъ знаетъ, что вы говорите.

— А вы очень милы, надо вамъ сказать,— началъ онъ. — Извините за графтирное сравненіе, вы напоминаете мнѣ свѣже-просоленный огурчикъ; онъ, такъ сказать, еще пахнетъ припечкомъ, но уже содержитъ въ себѣ

немножко соли и запахъ уксуса. И насъ мало-по-малу формируетъ въ колѣблемъ женщиной, чудесной, именитой женщины. Елибѣ эта наша пѣвица происходила лѣтъ пять назадъ.—вдохнулъ онъ,—я почелъ-бы пріятнымъ долгомъ поступить въ ряды вашихъ поклонниковъ, но теперь, увы, и не гоюсь даже въ запасъ. Я измалѣлъ.

Онъ грустно и въ то же время, милостиво усмѣхнулся и обнялъ ее за талию.

— Вы съ ума сошли!—сказала она, покраснѣла и испугалась такъ, что у нея походили руки и ноги.—Оставьте, Григорій Николаевичъ!

— Что-же вы боитесь, милая?—спросилъ онъ мягко. — Что тутъ ужаснаго? Вы просто непримыкал.

Если женщина протестовала, ужасалась, мучилась, то для него это было признакомъ, что онъ произвелъ впечатлѣніе и пріятное. Держа Юлію за талию, онъ крѣпко поцѣловалъ ее въ щеку, потомъ въ губы, въ полной увѣренности, что доставляетъ ей большое удовольствіе. Онъ всегда излагалъ, что его выманилъ, близость и прикосновенія къ нему пріятны женщинамъ. Юлія оправилась отъ страха и смущенія, и когда близко увидѣла его красивое лицо и тѣлныя, кроткіе, будто женскіе глаза, то стала смѣяться. Онъ поцѣловалъ ее еще разъ и сказалъ: — „Вотъ и все, что можетъ дать вамъ инвалидъ“.

Изъ міра безвольныхъ нытиковъ и *либертиновъ* хочется перенестись скорѣе въ другую чистую атмосферу, гдѣ гудитъ дымящая волна. Такою чистою атмосферою является романъ Мамина-Сибиряка — „Хлѣбъ“. Это—настоящая эпопея глуда. Герои романа—мѣщане и крестьяне Зауралья. Авторъ рисуетъ намъ два теченія старое и новое. Старикъ держится цѣликомъ „земли“ тогда какъ молодежь, подъ вліяніемъ вѣнскихъ условій, мечтаетъ о миллионахъ, о грандіозныхъ предпріятіяхъ. Представителемъ стараго теченія является своеобразная фигура старопѣра Михея Изотыча, богатыря, который пѣшкомъ, въ костюмѣ бродяги, обходитъ, чуть-ли не цѣлыя убожыя, выматривая мѣста получше для устройства громадной мельницы. Однако, Михей Изотычъ не просто кулакъ. Это—поэтъ, своего рода предприниматель съ своеобразной теоріей—политической экономіи.

— Земля—все,—понимаешь?—объясняетъ онъ своему работнику, старому солдату Вахрушкѣ, когда они ночуютъ въ полѣ у костра. —А остальные пустяки... И заводы, и фабрики и машины.

— Это ты правильно.

— А почему земля все? Потому, что она даетъ хлѣбъ исушимъ... Поднялся хлѣбецъ въ цѣль на пятачокъ — красивый товаръ у купцовъ всталъ, еще на пятачокъ — бакалей разня остановилась, а еще на пятачокъ—и все остальное сдѣла. Никому не нужно ни твоей фабрики, ни твоего завода, ни твоей машины... Все отъ хлѣба, батюшки. —Гривъ—дѣла, какъ бѣда, за-

И. Шк-ский